

С. В. Петрова, Г. В. Сляднева

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Рассматриваются вопросы современной геополитики Южного Кавказа и процесс возникновения новых непризнанных государств: Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Определяется роль России в процессе урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта и оказания помощи Абхазии и Южной Осетии в признании их в качестве самостоятельных государств. Изменения политической ситуации в регионе Южного Кавказа во многом обусловлены геополитическими процессами, которые часто носят цивилизационный характер и зависят от трендов, которые формировались в советское время и создавали латентную конфликтную ситуацию, перешедшую в открытую фазу на современном историческом этапе. Российская Федерация выступает в качестве главного «миротворца» в регионе, инициируя переговорные процессы в тех случаях, когда это возможно, и помогая приобрести поддержку государствам, стремящимся обрести суверенитет и подлинную государственность, пользуясь своим конституционным правом на самоопределение, прописанном в международном праве.

Ключевые слова: *Пятидневная война, Россия, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Майендорфская декларация.*

События «Пятидневной войны» августа 2008 г. сформировали совершенно новую ситуацию на Южном Кавказе, что создало как потенциальные возможности и перспективы, так и новые угрозы и вызовы региональной безопасности и стабильному развитию.

Не стала исключением и ситуация вокруг карабахского урегулирования. После «Пятидневной войны» ситуация в зоне Карабахского конфликта во многом продемонстрировала новую динамику, вместе с тем при сохранении общих интересов и приоритетов основных и заинтересованных сторон символизировала общий сдвиг регионального фона вокруг Нагорного Карабаха, развитие переговорного процесса и иных сопутствующих факторов.

Весьма вероятно, что в среднесрочной геополитической перспективе на Южном Кавказе складывается ситуация, когда ослабленная после военного поражения Грузия будет пытаться (и, видимо, небезуспешно) получать еще большую политическую и экономическую поддержку Запада, Азербайджан будет пребывать в некотором смятении, проецируя результаты августовских боевых действий на Карабахский конфликт, опасаясь реальной угрозы для нефтяных коммуникаций страны и реанимировав для себя реальность «русской угрозы», а Армения будет искать свое место в новой ситуации, стараясь выиграть от региональных политических процессов.

В другой стороны, в регионе ситуативно значительно повысилась роль России, впрочем, находящейся пока в состоянии некоторой эйфории. Хотя в краткосрочной и среднесрочной перспективе Россия упрочила свое положение и присутствие на Южном Кавказе – достаточно учесть итоги ее войны с Грузией, признание Кремлем независимо-

сти Абхазии и Южной Осетии и открытую дислокацию российских военных баз в этих бывших грузинских автономиях. Тем не менее в долгосрочной перспективе ухудшение отношений с Западом и создание (или восстановление) нового агрессивного образа Москвы в западном политическом сознании еще приведут к новым серьезным проблемам при реализации российской политики на Южном Кавказе.

Что же касается конкретно России, то изначально признание ею «непризнанных» республик предпочтительнее могло бы произойти в «мягкой» форме де-факто – возможно, в виде заключения широкоформатных межгосударственных договоров об экономических и торговых отношениях, о гуманитарной помощи и т. п. В целом, как четко определено Президентом РФ в его телевизионном выступлении 25 октября 2006 г., политика России, в частности, в отношении Абхазии и Южной Осетии основывается на двух постулатах: во-первых, мы «не можем допустить кровопролитие в этом регионе», во-вторых, мы отнюдь «не стремимся к тому, чтобы расширять нашу территорию». Признание Россией «непризнанных» вполне вписывается в эту политику. Для подобного подхода к «непризнанным» республикам у Москвы, помимо формального права, имеются и веские политические основания. Прежде всего следует обеспечить гуманитарные права и потребности населения, в том числе значительного числа проживающих там людей, имеющих российское гражданство. Кроме того, необходимо не допускать у наших границ нестабильности и тем более военных действий и кровопролития, а для этого требуются сотрудничество и контакты с правящими режимами республик. К тому же их правительства в известной мере уже фактически легитимированы на международ-

ной арене и, по крайней мере, отчасти, признаны в качестве сторон международных переговоров по вопросу своего статуса.

Практически заключение Россией международных договоров с «непризнанными» республиками, по сути, лишь оформляло бы уже реально сложившиеся взаимоотношения, т. е. подводило бы более цивилизованные основы под существующее состояние, не затрагивая при этом возможностей продолжения урегулирования отношений «непризнанных» республик с государствами, из которых они самоопределяются.

Стабильно проявились в августовском кризисе вокруг Южной Осетии место и роль ЕС: Брюссель пытается занять свою нишу в региональной политике и ищет новые форматы институционализации своего присутствия на Южном Кавказе. Фактически размещение в буферных зонах вокруг границ Южной Осетии и Абхазии европейских наблюдателей явилось первой серьезной самостоятельной инициативой Европейского союза по проецированию своего политического и отчасти военного потенциала в осуществлении миротворческих операций вне своих границ и без прямой поддержки структур НАТО или США. Хотя, конечно же, согласование позиций Европейского союза с Североатлантическим альянсом и с Соединенными Штатами по Южному Кавказу происходит в очень плотном режиме.

Несмотря на усилившуюся антироссийскую риторику на Западе, можно говорить о резком снижении вероятности скорейшего вступления Грузии в НАТО. Несмотря на все оптимистические заявления грузинских официальных лиц, равно как вполне успешные для Тбилиси итоги конференции стран-доноров по предоставлению пострадавшей от военных действий Грузии финансовой помощи, прошедшей в октябре 2008 г. под эгидой ЕС, очевидно, что ряд ключевых западноевропейских членов Североатлантического альянса выступают резко против ускоренного членства Грузии (а также Украины) в НАТО.

Турция в изменившихся условиях тоже пытается сыграть в свою геополитическую игру, выдвинув новую инициативу по стабилизации Южного Кавказа. Хотя перспективы реальности предложенной Анкарой региональной инициативы несколько пессимистически оцениваются политологами, но это, видимо, один из тех частых в политике случаев, когда сам политический процесс важнее, чем его прогнозируемые результаты.

На этом фоне пока неясно, насколько изменилась роль Соединенных Штатов в регионе: имеем ли мы дело с ситуативным снижением значимости США после событий в Грузии, и вскоре все возвратится на «круги своя», или же произошед-

шее является началом более глубоких процессов, которые приведут к изменению места Южного Кавказа в американской политике? Впрочем, эксперты практически единодушны в том, что «ответный удар» Вашингтона на Южном Кавказе наступит уже при администрации Барака Обамы. Тем не менее не столько от новых лиц в администрации демократов, которые будут заниматься региональными проблемами на Южном Кавказе, но еще более – от глобальных финансовых, экономических и политических развитий в мире зависит, будут ли активизироваться США на Южном Кавказе или же смена общих политических приоритетов снизит значимость этого региона в планах Вашингтона. Хотя вряд ли Южный Кавказ в ряду многих более актуальных мировых проблем будет для новой американской администрации иметь столь серьезное значение на фоне внутриэкономических проблем, глобального финансового кризиса и обещаний Б. Обамы начать серьезные изменения внутри самих Соединенных Штатов.

Одним из важнейших региональных итогов августовского конфликта стало значительное повышение оценки рисков Грузии в качестве транзитно-коммуникационной страны, энергетического и транспортного коридора, особенно ввиду прецедента последующего вторжения российских войск на территорию Грузии, захвата и установления контроля над стратегически важными в коммуникационном плане грузинскими населенными пунктами, такими как Поти, Гори, Сенаки и Хашури. Необратимо пострадал имидж Грузии не только как «маяка демократии» в регионе, но и вообще как адекватной и предсказуемой страны с эффективной системой управления.

С разными временными промежутками во время и после боевых действий в зоне конфликта прекратили функционировать практически все масштабные международные энергетические и коммуникационные проекты, проходящие через территорию Грузии. Встали нефтепроводы «Баку – Тбилиси – Джейхан» и «Баку – Супса», газопровод «Баку – Тбилиси – Эрзерум», не транспортировалась нефть по железнодорожному маршруту «Баку – Батуми», приостановилось на неопределенный период строительство железной дороги «Карс – Ахалкалаки». Казахстан принял решение отказаться от строительства крупного нефтеперерабатывающего завода в районе Батуми. В результате за август 2008 г. Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) не смогла использовать ни один из транспортных маршрутов и фактически не экспортировала нефть за рубеж в течение этого месяца. В свою очередь, в августе 2008 г. Азербайджанская международная операционная компания (АМОК) была вынуждена вос-

пользоваться исключительно нефтепроводом «Баку – Новороссийск» и переориентировать все свои нефтяные потоки на российский маршрут [1].

Из основных политических последствий для непосредственных участников военных действий – Грузии, Абхазии, Южной Осетии и России – следует отметить полную ликвидацию грузинонаселенных анклавов в Южной Осетии (Тамарашени, Кехви, Эредви), депортацию местного грузинского населения и установление контроля Цхинвала над всей территорией бывшей Юго-Осетинской автономной области, в том числе и над Ахалгорским (бывшим Ленингорским) районом, который с 1992 г. фактически контролировался грузинской администрацией.

В Абхазии главным итогом скоротечных боевых действий явилось установление полного контроля абхазских властей над территорией всей бывшей Абхазской автономной республики после занятия абхазскими войсками при поддержке российской армии Кодорского ущелья (так называемой Верхней Абхазии).

Тем самым, получив фактическую этническую однородность, Южная Осетия (даже в условиях полного российского политического контроля) в настоящий момент превратилась в реальный этнополитический фактор в регионе Южного Кавказа, значительно усилив обеспечение своей физической безопасности. В свою очередь Абхазия, установив контроль над Кодорским ущельем, на долговременную перспективу решила проблемы своего самостоятельного экономического и политического развития.

Вполне естественно, что сложившаяся ситуация «фактического этнического размежевания» в Южной Осетии в обозримом будущем создаст серьезные препятствия для каких-либо попыток грузинской стороны добиться выгодного для Тбилиси развития событий в Южной Осетии, как, впрочем, и в Абхазии. Возможно, что после определенного периода реабилитации Тбилиси вновь попытается реанимировать проекты «альтернативных правительств Абхазии и Южной Осетии в изгнании», однако теперь они уже действительно будут находиться в изгнании, т. е. за пределами всех прежних административных границ этих бывших грузинских автономий.

И, наконец, важнейшее политическое значение не только в региональном масштабе будут иметь юридическое признание 26 августа 2008 г. независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России, решение Москвы о размещении на территории этих республик российских военных баз и фактическое закрепление сложившейся ситуации путем реализации двух вариантов политического документа «Шести пунктов Медведева – Саркози».

Другим важным результатом новой геополитической ситуации, скорее даже нового регионально-го статус-кво, на Южном Кавказе стало изменение общего политического и психологического фона вокруг карабахского конфликта. Претерпело значительную корректировку также восприятие дальнейших процессов вокруг карабахского урегулирования внутри политических элит и обществ конфликтующих сторон. В первую очередь это проявилось в значительном снижении вероятности инициирования боевых действий в Карабахе со стороны Азербайджана и осознании этого факта политической элитой данной страны. На это особо повлияло проецирование азербайджанскими политиками и экспертами неудачной для Грузии, как бывшей метрополии, военной операции по возвращению Южной Осетии.

Естественно, первоначально 8 августа 2008 г. многие в Азербайджане с удовлетворением восприняли известие о начале грузинской армией штурма Цхинвала, воспринимая его как логичный пример для осуществления в последующем аналогичной операции в Нагорном Карабахе. И, вообще, надо признать, что одним из важных элементов так называемой карабахской стратегии Азербайджана долгое время являлась открытая и публичная угроза возобновить боевые действия в зоне конфликта. Силовой шантаж проявлялся как в заявлениях государственных и политических деятелей Азербайджана самых разных уровней, так и в настроениях большей части азербайджанской политической элиты и широкой общественности. Дополнительную аргументацию указанной политики Азербайджана в глазах его руководства и политической элиты добавляли также неопределенно высокие ожидания от роли нефтяного фактора и желания навязать Армении и Нагорному Карабаху экономически изматывающую «спираль» гонки вооружений.

Поэтому вполне естественно, что в информационно-пропагандистском поле Азербайджана эти настроения достигли своего пика именно 8–9 августа 2008 г., когда все азербайджанское информационное поле заполнили репортажи и комментарии бакинских экспертов, политологов и даже официальных представителей азербайджанского МИДа, активно поддерживающих действия грузинского руководства, рассуждавших о неспособности Москвы предпринять что-либо против шагов М. Саакашвили и постоянно проводящих аналогии «к теперь уже скорому началу» Азербайджаном такой же операции по возвращению Карабаха [2]. А затем в течение ближайших дней вдруг все стихло...

Практически целые две недели, примерно со второй половины дня 8 августа, когда окончательно стало ясно, что Россия все же вступила в войну, ни один из высших официальных лиц

Азербайджан не выступал с заявлениями или комментариями по поводу военных действий в Грузии. И даже эксперты и политологи молчали или даже ограничивались общими словами в своих комментариях по сложившейся ситуации в регионе после шокового исхода «Пятидневной войны».

Августовский «блицкриг наоборот» и неожиданно быстрое поражение армии Грузии, вновь решившейся силовым путем вернуть себе отколовшуюся мятежную автономию – Южную Осетию (а в последующем, видимо, и Абхазию), произвели вполне ясное и предсказуемое впечатление на Баку. Аналогии для политической элиты Азербайджана напрашивались более чем зеркальные. Крах самой возможности «краинского прецедента» в Южной Осетии и Абхазии, очевидность полной потери Грузией в среднесрочной перспективе даже надежды на восстановление своей юрисдикции над Сухуми и Цхинвалом, юридическое признание независимости этих бывших советских автономий пусть даже еще только одним влиятельным актором, многочисленные жертвы и фактически деморализация грузинской армии, угроза потери власти в стране командой М. Саакашвили – все эти примеры вряд ли явились желанной перспективой для правительства Ильхама Алиева в случае возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта.

Правда, ко всему этому надо еще добавить резкое усиление за сентябрь-октябрь 2008 г. антизападных настроений среди азербайджанской элиты и дальнейшее углубление давно уже заметной исламизации страны, а также подъем прорусской «ориентации» среди части общественности Азербайджана. Но это уже скорее издержки или, вернее, результаты претворения в жизнь «азербайджанского комплементаризма» – ведь дружить с фактически победившей (пусть и довольно неожиданно) в региональной войне Россией все-таки приятнее и безопаснее, чем продолжать выступать против нее на Южном Кавказе в тандеме с еще не пришедшими в себя после августовских событий США и европейскими странами. И это в полной мере показали неудачные для американской стороны итоги блиц-визита вице-президента США Р. Чейни в Баку в начале сентября 2008 года [3].

Еще в большей степени это соображение подтвердила последующая подпись Ильхама Алиева под текстом «Декларации трех президентов», принятой 2 ноября 2008 г. при посредничестве Москвы и фактически подразумевающей декларативный отказ официального Баку от попыток военного решения карабахского конфликта.

По итогам «Пятидневной войны» августа 2008 г. Абхазия и Южная Осетия для Москвы превратились в своеобразное «продолжение» Северно-

го Кавказа, и поэтому «доступный» для России Южный Кавказ фактически ограничивается Арменией и Азербайджаном. Для того чтобы вести активную политику в регионе, Москва теперь может использовать лишь свое влияние на Ереван и Баку, и то лишь в рамках проблемы, «объединяющей» эти конфликтующие стороны. Возможно, именно осознавая этот факт и одновременно пытаясь оставить Грузию за рамками общих политических процессов на Южном Кавказе (в частности в контексте согласованной с Москвой региональной инициативы Турции), российское руководство осенью 2008 г. активизировало процесс карабахского урегулирования.

Технологически и первоначально эти инициативы Москвы явились чуть ли не зеркальным отражением предыдущих попыток урегулирования Вашингтоном и Брюсселем. Однако осенью 2008 г. уже не западная инициатива столкнулась с противодействием России, а Запад всеми силами тормозил усилия Москвы протолкнуть некое соглашение, по которому роль миротворцев, разъединяющих азербайджанскую, армянскую и карабахскую стороны, стали бы выполнять российские войска.

Однако основной целью «карабахской инициативы» Кремля, как представляется, была все же попытка дезавуировать на Западе негативные политико-психологические последствия августовской войны с Грузией и признание Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии. То есть активизация Кремля в карабахском урегулировании преследовала в реальности вполне прагматичную, пусть и несколько ограниченную, цель – создание на Западе и в мировом информационно-пропагандистском пространстве некой видимости «конструктивности» действий России, способной не только вести и выигрывать войны на постсоветском пространстве против «маленьких стран» (как в августе 2008 г. против Грузии), но и умеющей урегулировать и, главное, контролировать региональные этнополитические конфликты, например карабахский или приднестровский [4]. Результатом всего этого и явилась подписанная президентами Армении, Азербайджана и России 2 ноября 2008 г. в подмосковном Майендорфе Декларация.

Представляется, что, исходя именно из вышеуказанных соображений, в Москве теперь будут уверены, что принятием «Декларации трех президентов» (первого после достигнутого в 1994 г. перемирия подписанного руководителями Армении и Азербайджана документа по карабахской проблеме [5]) эта задача успешно решена. Ну а президенты Армении и Азербайджана будут надеяться, что им удалось, исходя из собственных интересов и соображений, подыграть в этом «похвальном ме-

роприятии» Дмитрию Медведеву. То есть получается, что в итоге каждый получил то, что хотел.

Видимо, Декларация просто зафиксировала ту новую политическую реальность вокруг Карабахского конфликта, которая стала очевидной даже в Баку. В первую очередь это проявилось в значительном снижении вероятности боевых действий в Карабахе и проецировании Азербайджаном результатов неудачной для Грузии – тоже бывшей «метрополией» – военной операции в Южной Осетии. Особенно с учетом небывалой эйфории в Баку по поводу действий Грузии утром 8 августа и быстро наступившего после вступления в войну России почти двухнедельного шокового гробового молчания азербайджанских политиков. Наконец, упали почти в три раза за неполные три месяца и цены на нефть, а это для страны, более 70 % расходов которой прямо или косвенно финансируются за счет продажи энергоресурсов, более чем существенный фактор. Да и Турция последней активизацией своих отношений с Арменией также вызывает серьезное беспокойство у азербайджанской политической элиты.

Таковы основные характеристики развития политических процессов с позиций основных мировых центров силы на Южном Кавказе после августовской войны между Россией и Грузией. Можно утверждать, что после «Пятидневной войны» динамика процессов вокруг Карабаха остается преж-

ней, но региональный фон и политические составляющие вокруг вовлеченных в конфликт сторон несколько изменились. Девальвировались также и политические предпосылки для возобновления боевых действий в зоне Карабахского конфликта, следовательно, снизились общие военные риски в регионе Южного Кавказа.

Временной фактор, однако, играет определенную роль в деактуализации радикальных настроений в обществах стран, находящихся в состоянии конфликта с соседями. Радикализм проигравшей в локальном этнополитическом конфликте стороны может ослабнуть лишь тогда, когда у нее пропадет внутренняя надежда вновь выиграть у победителя [6]. В исторической перспективе это может быть результатом или значительного усиления потенциала победителя над проигравшим за все время после победы и осознанием нереальности реванша, или же повторного или многократного поражения страны-реваншиста. Еще более существенным фактором является динамика внешнеполитического фона и корректировка подходов ведущих мировых и региональных игроков или изменение существующего статус-кво в данном регионе. Впрочем, последнее обстоятельство – изменение или, скорее, формирование совершенно нового статус-кво на Южном Кавказе после «Пятидневной войны» – уже имеет место, стало политической реальностью.

Список литературы

1. Мишин В. Плата за форс-мажор: упущенная выгода и убытки Азербайджана и Грузии в августе 2008 года превысили миллиард долларов // НГ-Энергия. 2008. 14 октября.
2. Гулиев Э. Bravo, Грузия, или как нам отныне называть Россию? // URL: <http://www.ay.az> (дата обращения: 09.08.2008).
3. Габуев А., Соловьев В., Мустафаев Р., Двали Г. Дик Чейни ошибся Каспием: Ильхам Алиев не торопится поддержать проект Nabucco // Коммерсантъ. 2008. № 159 (3976). 5 сент.
4. Глухов А. П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2010. Вып. 5 (95). С. 52–58.
5. Наливкина Н. В. Проблемы посткоммунистической национальной идентичности России // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2006. Вып. 7 (58). С. 71–74.
6. Петрова С. В. Геозтнополитические детерминанты на постсоветском пространстве Северного и Южного Кавказа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 3. С. 157–169.

Петрова С. В., кандидат политических наук, доцент.

Сочинский государственный университет.

Ул. Советская, 26 а, Сочи, Краснодарский край, Россия, 354000.

E-mail: solus46@mail.ru

Сляднева Г. В., главный специалист-эксперт.

Представительство МИД России в городе Сочи.

Ул. Советская, 42/2, Сочи, Краснодарский край, Россия, 354000.

E-mail: efa9@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28.03.2011.

S. V. Petrova, G. V. Slyadneva

POLITICAL SITUATION IN THE REGION OF SOUTHERN CAUCASUS IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL AND CIVILIZATION PROCESSES

The article deals with the questions of modern geopolitics of Southern Caucasus and the process of origin of the new unrecognized states: Abkhazia, South Ossetia and Nagorny Karabakh. It determines the role of Russia in the course of settlement of the Nagorno-Karabakh conflict and rendering assistance to Abkhazia and South Ossetia in their acknowledgement as the independent states. A change in the political situation in the South Caucasus region is largely due to the geopolitical processes that often are civilized nature and depend on trends, which were formed during the Soviet era and created a latent conflict situation, which had been transferred to the open phase in modern history.

The Russian Federation serves as the main "peacemaker" in the region, initiating the negotiation process in cases where it is possible and helping to gain the support of States seeking to gain sovereignty and genuine statehood, using his constitutional right to self-prescribe in international law.

Key words: *Five-day war, Russia, Abkhazia, South Ossetia, Nagorny Karabakh, the Mayendorfsky Declaration.*

References

1. Mishin V. *Plata za fors-mazhor: upushchennaya vygoda i ubytki Azerbaydzhana i Gruzii v avguste 2008 goda prevysili milliard dollarov* [Fee for force majeure: loss of profit and losses of Azerbaijan and Georgia in August 2008 year exceeded a billion dollars to Georgia]. NG-Energiya, 2008, 14 noyabrya (in Russian).
2. Guliev E. *Bravo, Gruzija, ili kak nam otnyne nazyvaj' Rossiju?* [Bravo, Georgia, or as we now call Russia?]. URL: <http://www.ay.az> (accessed 9 August 2008) (in Russian).
3. Gabuev A., Solov'ev V., Mustafaev R., Dvali G. *Dik Cheini oshibsiya Kaspiem: Il'kham Aliev ne toropitsya podderzhat' proekt Nabucco*. [Dick Cheney was wrong the Caspian: Ilham Aliyev is in no hurry to support Nabucco]. *Kommersant*, 2008, no. 159 (3976), 5 sentyabrya (in Russian).
4. Glukhov A. P. *Kommunikativnye strategii rossiyskogo natsionalisticheskogo diskursa: otrazhenie v mediynom prostranstve* [Communicative strategies of Russian nationalist discourse in the media space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, no. 5 (95), pp. 52–58 (in Russian).
5. Nalivkina N. V. *Problemy postkommunisticheskoy national' noy identichnosti Rossii* [Problems of national identity in post-Communist Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2006, no. 7 (58), pp. 71–74 (in Russian).
6. Petrova S. V. *Geoetnopoliticheskie determinanty na postsovetском prostranstve Severnogo i Yuzhnogo Kavkaza* [Geoethnopolitical determinants of the post-soviet space of the North and South Caucasus]. *Gosudarstvennoe i municipal' noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2012, no. 3, pp. 157–169 (in Russian).

Petrova S.V.

Sochi State University.

Ul. Sovetskaya, 26 a, Sochi, Krasnodar krai, Russia, 354000.

E-mail: solus46@mail.ru

Slyadneva G.V.

Mission of MFA of Russia in Sochi.

Ul. Sovetskaya, 42/2, Sochi, Krasnodar krai, Russia, 354000.

E-mail: efa9@mail.ru